

МБУК "Межпоселенческая библиотека"
МО Темрюкский район
Отдел обслуживания

*По страницам журнала
"Наука и жизнь"*

брошюра

Темрюк, 2021 г.

ББК: 91

П41

Составитель: библиограф отдела обслуживания Попсуй Н. Ю.

Ответственный за выпуск: директор «Межпоселенческая библиотека» МО Темрюкский район Асланова Л. Б.

По страницам журнала «Наука и жизнь» [Текст] : брошюра / МБУК «Межпоселенческая библиотека» МО Темрюкский район, отдел обслуживания ; [сост. Н. Ю. Попсуй ; отв. за вып. Л. Б. Асланова]. - Темрюк, 2021. - 24 с.

На страницах «Науки и жизни» вы найдете статьи о недавних научных открытиях и об истории науки, о новых технологиях и фундаментальных основах наук, о людях, посвятивших жизнь науке, и об исторических личностях, о вещах, которые нас окружают, и об удивительных местах на нашей планете. Физика, биология, астрономия, химия, математика, лингвистика, медицина, психология – эти и другие науки на страницах «Науки и жизни» становятся ближе и понятнее.

За более чем вековую историю – первый номер «Науки и жизни» вышел в 1890 году – на страницах журнала собрана целая летопись развития науки и технологий, наших представлений об устройстве мира, о судьбе страны. С 1934 года журнал издается непрерывно, его выпуск не прекращался ни в период Великой Отечественной войны, ни во время экономических кризисов. «Наука и жизнь» это больше, чем просто научно-популярный журнал, это ваш проводник в мир познания.

Иван Пырков

Несколько лет назад в журнале уже была статья на дачную тему. Публиковалась она под рубрикой «Рассказы о повседневном» и называлась «Дача - символ жизни нашей», её автор - кандидат исторических наук Олег Елютин (см. «Наука и жизнь» № 4, 2014 г.). Казалось бы, тема закрыта, нужна ли новая статья? Но она поступила в редакцию, и мы решили не отказываться от неё.

В оригинале заголовок был другой: «Под сенью дачного сада». Имелся также подзаголовок: «Образ дачи в нашем культурном сознании». Начиналась статья с вопросов: «Можно ли охватить несколькими предложениями дачный мир? И что же такое всё-таки дача, как глубоки её корни, как и когда удалось ей войти в культурно-бытовой обиход целой страны? И почему сама дачная атмосфера настолько ярко отразилась в русской литературе? Давайте поищем ответы вместе».

Итак...

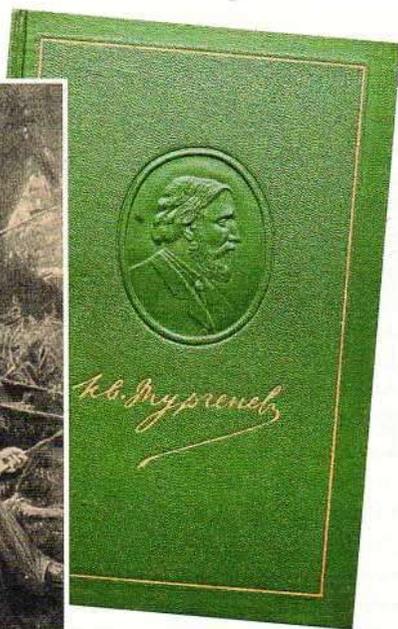
К. А. Коровин. За чайным столом. 1888 год. Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В. Д. Поленова.

Читатели помнят, конечно, как Ермолай Лопухин в пьесе «Вишнёвый сад» предлагает Раневской единственно рациональный, как ему представляется, шаг по спасению старинной усадьбы - «вишнёвый сад и землю по реке разбить на участки и отдавать потом в аренду под дачи». И в итоге иметь «самое малое двадцать пять тысяч дохода». Разумеется, Любовь Андреевна Раневская, Гаев, Варя и Аня никогда не согласятся торговать священным для них пространством, где всё дышит прошлым, всё родное - и детская, и беседка, и каждое деревцо, и даже «многоуважаемый шкаф». Сама мысль о том, что какие-то чужие люди будут являться сюда, суетиться, селиться на лето, бесцеремонно ходить, нарушать границы, - невозможна для Раневской и людей её семейного круга.

Практика превращения усадьбы в дачу, начавшаяся примерно со второй половины XIX века, к концу столетия распространилась

весьма широко. Например, газета «Новости дня» от 17 апреля 1892 года сообщает, что имение князя М. С. Голицына, где имеется великолепный парк и устроены удобные купальни, сдаётся под дачи. Оговаривается и цена: от 200 до 1300 рублей. На лето мог сдаваться дачный флигель, мог даже специально быть надстроен второй этаж. Чехов и сам в 1888 и 1889 годах проводил лето в западном флигеле усадьбы Линтварёвых, на берегу живописной реки Псёл.

Страстный рыболов и ценитель загородной жизни Антон Павлович пишет замечательному поэту А. Н. Плещееву, приглашая его к себе, на дачу: «Псёл река глубокая, широкая, богатая рыбой и раками... На моей даче имеется ещё пруд с карасями, отделённый от реки плотиной. Дача расположена у подошвы горы, покрытой садом».

Лиза и Лаврецкий. Иллюстрация М. Э. Андриолли к роману «Дворянское гнездо», 1876 год. Собрание сочинений И. С. Тургенева в 12 томах. Москва, Гослитиздат, 1954, т. 2.

Чехов всегда мечтал о большом саде, который сам бы, своими руками, посадил, за которым бы ухаживал. И когда было куплено Мелихово, он осуществил свою мечту. В июне 1892 года он сообщает в письме к архитектору Фёдору Шехтелю, что «заказал 50 вишнёвых деревьев и 100 кустов сирени». Вот как вспоминает об этом счастливом для Антона Павловича времени его брат, Михаил: «Обычно ранним утром он выходил в сад и подолгу осматривал каждое фруктовое дерево или розовый куст: то подрежет сучок, то поправит веточку, а то долго сидит у ствола и что-то наблюдает на земле». Глубоко и тонко понимая природу, Чехов обрёл в Мелихове истинное вдохновение, и «мелиховский период» его жизни отразился в таких шедеврах, как «Чайка», «Три сестры», «Дядя Ваня», «Дом с мезонином», «Крыжовник», «Вишнёвый сад»...

Дача действительно могла вырасти из усадьбы, иметь, так сказать, усадебные корни. Но есть и другая отметка в садоводческой книжке истории.

Ещё в XVII веке в обиход вошло существительное «дача», которое обозначало земельный участок, получаемый от государства. Первые земельные участки неподалёку от столицы даровал своим приближённым Пётр Великий. Даровал и из милости - за государственные заслуги, - и из чисто петровского здорового прагматизма: необходимо было держать приближённых в поле видимости, чтобы в любой момент, даже посреди лета, можно было вызвать их во дворец, призвать к делам. И вот вдоль дороги на Петергоф, в самых живописных местах близ Северной столицы весело застучали топоры и запели рубанки: начали строиться первые в нашей истории дачи. Отправляется Пётр Великий в загородный дворец, например, и посматривает зорко - как там его высокопоставленные подданные обживаются-строятся, какой ведут образ жизни. И после Петра строительство дач продолжалось. Дачи Меншикова, Новознаменская дача Апраксиных, дачи в Петергофе, Царском Селе, Павловске.

Конечно, первые дачи походили скорее на роскошные дворцы с каскадами прудов и парками. Шесть соток? Нет, чуть поболее. При

Петре земельные участки дарились шириной в 100 сажень (примерно 213 метров) и длиной в... версту. Это ж сколько картошки посадить можно! К слову, есть предположение, что Пётр предлагал владельцам первых, дарованных им дач начать эксперимент по выращиванию «земляных яблоков», или голландских клубнеплодов. Так что картошка в России - ровесница дач. Есть в этом, пожалуй, какой-то ментально значимый символический подтекст.

Обратим внимание на коренные различия между усадьбой и дачей в русском языке. Дача - «дарение», «дар», а усадьба - от слова «усадище», так назывался господский дом на селе со всеми ухажаями, садом, огородом, к усадьбе относящийся (по словарю В. И. Даля). Усадьба - от «усади́ти», «посади́ть». Усадьба ориентирована на вечные ценности, на «память рода», она, именуемая с лёгкой руки И. С. Тургенева «дворянским гнездом» и ведущая свою высокую родословную от передаваемых из поколения в поколение «вотчин» (или «отчин», как говорили в XIII веке), тяготеет к устойчивости, постоянству и замкнутости. Можно ли представить обломовцев, идущих к железной дороге и запальчиво обсуждающих городские новости? Можно ли представить, как Лиза Калитина уезжает в город? Нет, город далёк, он находится в ином, чуждом усадьбе измерении. Заброшенная Лучезаровка из рассказа И. А. Бунина «В поле» занесена перед Рождеством метелью, отгорожена от всего остального мира снежной завесой. К Лучезаровке нет дороги, и её обитателей - разорившегося дворянина Якова Петровича и его бывшего денщика Ковалёва - писатель изображает так, будто они одни в целом свете. Пронзительно-печально, безнадежно звучат последние слова рассказа, написанного в 1895 году: «Вдруг с шумом летят кирпичи с крыши. Ветер повалил трубу...

Это плохой знак: скоро, скоро, должно быть, и следа не останется от Лучезаровки!»

Дача, напротив, максимально приближена к городским границам, она энергично вступает в коммуникацию с окружающим миром. Железнодорожная станция - её неотъемлемая часть. Вдумаемся: смогла бы начаться дачная экспансия без развития

железных дорог, без усовершенствования путей сообщения, без преодоления обществом психологического барьера, когда дорога воспринималась как нечто опасное и нарушающее привычный ход вещей? Не только дача тянулась к городу, и городские границы неизбежно приближались к дачам. Малаховка, Кунцево, Томилино, Переделкино, Тарасовка, Барвиха. А ещё Химки, Ховрино, Пушкино... И поближе к Москве, и подальше - железная дорога позволяет! Возникают поселения дачников, прилегающие к железнодорожным веткам. И вот уже многие горожане - чиновники, учителя, врачи, торговцы, адвокаты, приказчики, писатели, художники - целыми семьями перебираются на снимаемые дачи, чтобы провести там благословенные летние месяцы. 150 рублей за сезон - вполне приемлемая, ходовая цена. Причём из городских квартир, тоже снимаемых, на лето вывозится вся мебель, вся утварь, а после завершения летнего сезона в городе находится для съёма новая квартира. Порой глава семейства оставался на какое-то время в городе, продолжая работать, а только на выходные приезжал на дачу, привозя с собой то, что просили, допустим, жена и дети. Поскольку чаще всего передвижение велось на поездах, это привело к появлению новых словосочетаний: «дачное направление», «дачный поезд». И само слово «дача» было у всех на устах.

Благодаря «институту дачи» жизнь в России стала динамичнее, переменчивее. И чуткая к таким важнейшим нюансам литература запечатлела оживлённое, челночное движение людей между городом и дачей. Как это ни странно, даже в романе И. А. Гончарова «Обломов», где солнце усадебной идиллии достигает зенита, находится место и дачному мироощущению, только ещё начинающему зарождаться. Так, любовным чувствам Обломова и Ольги Ильинской будет суждено расцвести именно на дачном фоне. Илья Ильич снимает дачу рядом с дачей Ильинских: «Обломов нанял её заочно и живёт там. Он с Ольгой с утра до вечера; он читает с ней, посылает цветы, гуляет по озеру...» Но однажды, в переломный момент, Илья Ильич, будто бы краем взгляда, заметит, что с дачи Ильинских уносят мебель:

«В конце августа пошли дожди, и на дачах задымились трубы, где были печи, а где их не было, там жители ходили с подвязанными щеками, и наконец, мало-помалу, дачи опустели.

Обломов не казал глаз в город, и в одно утро мимо его окон повезли и понесли мебель Ильинских».

Их мебель уносят, как отслуживший своё театральный реквизит. Это не дача пустеет и не сцена, на которой расцветала летняя поэма любви, отчуждается от зрителей. Это на душе главного героя становится пусто и неприятно. Дача - нечто прекрасное, цветущее. И... непостоянное. Ещё вчера, «в жаркий полдень», как символично пишет Гончаров, были и прогулки с Ольгой, и читались книги, и строились планы, и всё казалось выполнимым. А сегодня «пошли дожди» и густонаселённое соляренное пространство дачи опустело, потеряло световую ауру. Такова природа дачного пространства-времени, такова философия дачной жизни.

И. И. Шишкин. Около дачи. (На даче.) 1894 год. Государственный музей изобразительных искусств республики Татарстан.

Мы не случайно вновь заговорили про сцену. Русская дача ценила и любила искусство. Нередко случалось, что на дачах гастролировали театральные группы, выступали музыканты. Дачные розы и фиалки слышали голос самого Фёдора Шаляпина, а поэт Александр Блок и Любовь Менделеева играли в импровизированном спектакле Гамлета и Офелию. Блок и Менделеева, конечно, люди творческие. Но даже приземлённые натуры, чиновники и домохозяйки, отдохнув от повседневных дел и отудобев душой на лоне природы, не прочь были поставить, скажем, любительский спектакль. «В каждом дачном театре, - писал Аркадий Аверченко, - есть режиссёр, и каждый режиссёр - фармацевт. Это загадочное свойство дачного режиссёра наблюдалось многими, но никто не мог дать ему удовлетворительного объяснения <...>

Героя пьесы играет всегда гимназист, обыкновенно самый взрослый из всех, которых можно найти в данной дачной местности.

Укоренившийся обычай этого гимназиста состоит в том, чтобы за две недели до спектакля с ролью в руках бродить днём и ночью по окрестностям, появляясь неожиданно в самых отдалённых местах, пугая влюблённые парочки, изумляя мужиков, натываясь на дремлющего рыболова < ...>

В день спектакля с самого утра у дачных актёров-любителей такое выражение лица, будто бы их пообещали высечь, или они, сговорившись поджечь ночью чей-нибудь дом, не знают, куда до вечера деть свои досуги.

Режиссёр-фармацевт один сохраняет непоколебимое спокойствие. Но оно - наружное. Втайне его обуревают относительно спектакля самые чёрные мысли, вплоть до опасения, что актёры или публика могут его поколотить».

Действие классической повести И. С. Тургенева «Первая любовь» разворачивается на даче. Владимир Петрович, записав в тетрадку - поскольку рассказчик он неважный - историю своей давней первой влюблённости, делится с друзьями своими воспоминаниями:

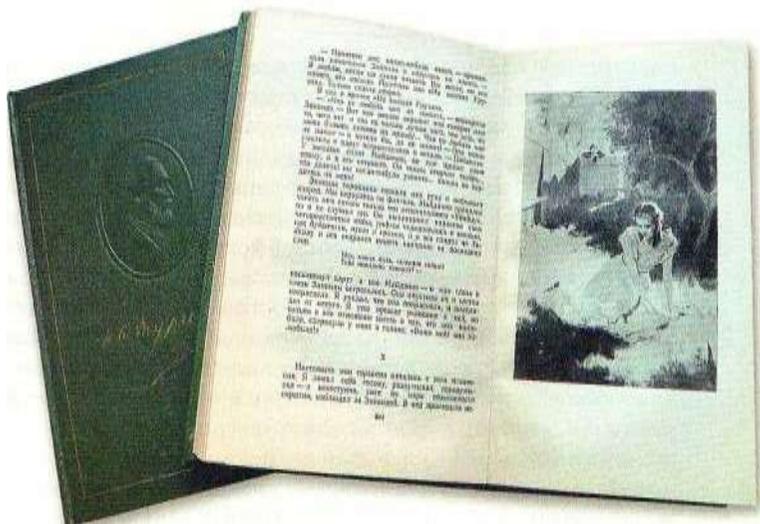
«Мне было тогда шестнадцать лет. Дело происходило летом 1833 года.

Я жил в Москве у моих родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы, против Нескучного. Я готовился в университет, но работал очень мало и не торопясь».

Автор в коротких, скупых предложениях сразу же обозначает пространство излагаемой истории. Дача выступает как знак, подразумевающий подробную расшифровку, - как двоеточие. Тургенев создаёт свой шедевр в 1860 году. Он только что всколыхнул русское общество повестью «Накануне» - от него ждут очередного прорыва. Да и как не ждать, если Добролюбов видит в Елене обобщённый образ молодой России, жаждущей перемен, а в Инсарове - подчинение жизни высшей цели, стремление служить народу. Однако за тургеневским дачным «двоеточием» следует неспешно-лирическое, во многом автобиографичное, неразделимое с картинами среднерусского лета повествование. Да ещё и действие зачем-то отодвигается на тридцать почти лет назад... Шестнадцатилетний юноша Володя влюбляется в княжну Засекину, которая старше его на несколько лет, подробно делится своими переживаниями, тревогами, сомнениями, свойственными юному сердцу. Зинаида Засекина то приближается к Владимиру, и ему кажется, что их чувства взаимны, то отдаляется от него, и тогда солнце меркнет в глазах юноши. Наконец Володя случайно узнаёт, что между его отцом Петром Васильевичем и княжной вспыхивает любовное чувство, и видит, как вспухает рубец на руке Зинаиды, когда Пётр Васильевич ударяет её хлыстом в момент разрыва... Ну и дальше также скупое, как начало, изложен эпилог: дачное лето завершается, Владимир поступает в университет, через пару месяцев скоропостижно умирает отец. Через четыре года, закончив учиться, Владимир узнаёт, что Зинаида вышла замуж за состоятельного человека, собирается увидеться с ней, но оттягивает и оттягивает встречу. Но когда наконец решается, то узнаёт, что она четыре дня тому назад умерла при родах.

Пожалуй, самый характерный (из резко критических) отзывов на повесть был помещён в газете «Московские ведомости» в мае 1860 года: «Чтобы уяснить себе вопрос, почему "Накануне" возбудило такой интерес в обществе, сравните его с

повестью того же автора, явившиеся почти в то же время <...> И там и здесь рассказ мастерский, увлекательный, но после "Накануне" вы невольно задумаетесь, а "Первую любовь" прочтёте равнодушнее, Причина понятна. Последняя повесть не возбуждает в вас никаких высших вопросов <...>».

Страницы повести И. С. Тургенева «Первая любовь» с иллюстрацией Д. Б. Боровского в собрании сочинений писателя в 12 томах. Москва, Гослитиздат, 1955, т. 6.

А вот как охарактеризовал «Первую любовь» в письме к Тургеневу Гюстав Флобер, автор легендарного романа «Госпожа Бовари»: «Что касается Вашей "Первой любви", то я её понял особенно хорошо потому, что это история, которая произошла с одним из моих очень близких друзей. Все старые романтики... все они должны быть признательны Вам за этот маленький рассказ, который так много говорит об их юности...»

Флобер с гениальной чуткостью улавливает главное: тонкую и очень искренне воссозданную в «Первой любви» романтическую атмосферу той жизни, которая могла сложиться, заметим, только под сенью дачного сада, под крышей дачного флигеля, под звёздным куполом дачного неба. Эта жизнь в повести Тургенева становится камертоном истинных чувств и одновременно - воспоминанием о

далёкой уже, исчезающей где-то в дымке сменяющих друг друга десятилетий, но ни на секунду не забываемой молодости.

«Я никогда не забуду первых недель, проведённых мною на даче, - пишет герой Тургенева. - Погода стояла чудесная; мы переехали из города девятого мая, в самый Николин день. Я гулял - то в саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой; брал с собою какую-нибудь книгу <...> но редко её развёртывал, а больше вслух читал стихи <...>».

Тургенев, если вдуматься, раскрывает перед читателями дачный культурный код - поэтическое мироощущение. Представим, что Володя впервые увидел Зинаиду не на даче, юной весенней порой, а в равнодушном городе. Разве заметил бы он «огромные серые глаза на подвижном, оживлённом лице»? Разве увидел бы любимую в таком, исключительно дачном, освещении: «Она сидела спиной к окну, завешенному белой сторой; солнечный луч, пробиваясь сквозь эту стору, обливал мягким светом её пушистые золотистые волосы <... > Я глядел на неё - и как дорога и близка становилась она мне!»

На даче люди оказывались ближе друг к другу. Может быть, потому, что дачное пространство не терпит изоляции, одиночества, границ и высоких острозубых заборов. Оно принципиально проницаемо для гостей и общения так же, как застеклённая веранда - для солнечных лучей. Особая культурно-эстетическая атмосфера дачного быта начала складываться ещё в XIX веке: обед на веранде, дачный бал, музицирование, неспешная беседа за чаепитием, самоварное золото, особые дачные игры - лапта, крокет, шахматы. Дачные страсти, дачные романы. Рыбная ловля, походы за грибами, купание, лёгкие взмахи вёсел на лодочных прогулках. Детский смех, детство (дачник и сам ведь всегда немного ребёнок, немного чудак). Дачные цветники, дачные качели. Отдых на гамаке в тени сада...

Архитектура дач легка и в чём-то эфемерна - веранды, флигели, мезонины. Все тяжкие разговоры, грузные заботы, тревоги, неподъёмные тягучие дела остаются там, в городе, а здесь, в царстве невесомой светотени, на даче, царит лёгкость и гармония. Чтение - весёлых лёгких книг или журналов, пение - светлых и радостных

песен. Разговоры - без особой оглядки на сословные различия. На даче все, в сущности, равны. Одного только жаль: уж очень быстро проходит оно, дачное лето. Быстро пустеют веранды, мезонины, флигели.

Дача - категория не только пространственная, но и временная. Дача - одно из немногих по-настоящему счастливых и беззаботных мгновений русской жизни, русской истории. В европейской культуре никогда не было дач - это явление исконно русское, российское. Снежной суровой зимой мечта о предстоящих летних дачных месяцах для нас, горожан, - великая отдушина... В том же «Крыжовнике» А. П. Чехов замечательно сказал о психологии городского человека, познавшего волю природы: «А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелётных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю». Замечательные слова! И сколько смыслов таится в этом стремлении к воле...

Флигель в мелиховской усадьбе. Здесь в 1895 году А. П. Чехов писал «Чайку». Из книги: М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. Москва, Гослитиздат, 1954.

Интересный факт: в конце XIX - начале XX века выходило несколько периодических изданий, посвящённых «летней тематике»: «Дачник», «Дачная жизнь», «Дачный курьер», «Дачница», «Парголовский

летний листок». Газеты эти выходили в Петербурге и Москве, обычно три-четыре раза в неделю, существовали они недолго, как правило, один-два летних сезона, - и исчезали, подобно бабочкам, с приходом холодов.

Какие темы освещались на листках дачной периодики? Для дачников - самые значимые: как устроить добротный цветник, точное расписание дачных поездов, которые, надо заметить, на некоторых дачных станциях останавливались лишь на полминутки, афиши дачных театров, рекомендации по усовершенствованию купален, объявления о продаже или найме дач... Трогательно читать первый номер газеты «Дачная жизнь» за 1 мая 1911 года. Слово редакции, обращённое к читателю, гласит, что газета «обширной и разнообразной программой ставит целью служить в период летнего сезона всему дачному населению приятным и занимательным развлечением, полезным указателем во всех случаях <...> жизни, практическим руководством справочного характера <...>». Совсем недолго остаётся до Первой мировой войны, до грядущих социальных сломов и потрясений. И чем ближе переломно-трагические в истории страны тёмные даты, тем светлее кажутся истории о цветниках, незадачливых пассажирах, опоздавших на поезд, и прудах с карасями... Время может замедляться, приостанавливаться на даче - не потому ли так и манит она, дачная жизнь?

Замечательно тонко и, как всегда, иронично сказала об этом Тэффи: «Дачным часам никто не верит. Живут по поездам, по пароходам, по мороженщику и по чиновникам. Иногда, конечно, это приводит к некоторым неудобствам. Вы, например, привыкли обедать по рыжему чиновнику с кривой кокардой. Видите, что он бежит с поезда, значит - пора садиться за стол. А вдруг у чиновника винт или ещё того хуже - вечернее заседание, которое, по свидетельству его собственной жены, продолжается иногда часов до шести утра!

Вот и сидите без обеда».

Дачные часы, хоть им никто и не верит, переносят нас в иную эпоху - советскую. В тридцатые годы XX века в ходу было понятие «государственная дача», то есть построенная за счёт государства, переданная государством во временное пользование. Крупные чиновники, военные, писатели, художники, учёные имели доступ к дачному отдыху. Например, писательские дачи располагались в подмосковном посёлке Переделкино. Здесь, в «городке творчества»,

создавали свои произведения выдающиеся авторы. Именно здесь, на даче по адресу ул. Павленко, дом 3 - Борис Пастернак работал над романом «Доктор Живаго».

Если почитать письма Пастернака, то можно найти немало интересных сведений о выращивании картошки и кабачков. Так что небесное и земное соединялись, сливались в дачном мироустройстве. Да и кто сказал, что грядки и вдохновение - не-совместимы? К слову, Борис Леонидович нередко обыгрывал свою фамилию в эпистолярном жанре. Так, в письме Евгении Владимировне Аурье-Пастернак, своей первой жене, 3 июля 1924 года он замечает: «И слава Богу, что к обеду моему подаются перец с горчицей. Как бы стали мы есть лучшее, что может дать земля, не ставь судьба к нам на стол этого горького судка? Крестьянские и пролетарские поэты словно нарочно созданы, чтобы было у нас чем облить и посыпать салат, огурцы и редьку. Ты скажешь, что я слишком много о себе говорю. Ну прости, а мне казалось, что о тебе, я нас друг от друга не отделял. Но если вспомнить, что и пастернак - существо огородное, а также оглянуться на сказанное в первых строках письма (о розе, вложенной ею в письмо к нему) или просто... сунуть нос в выдвижной ящик (где роза находится в этот момент), то надо будет признаться, что письмо совсем ботаническое...»

Позднее, в шестидесятые, когда вышло очередное Постановление «О коллективном огородничестве рабочих и служащих», «за предприятиями и организациями» закрепились земельные участки, которыми могли пользоваться работники. В распоряжении практически каждой организации, завода, НИИ были дачные посёлки, где отдыхали служащие. С годами дачников становилось всё больше и больше, люди целыми семьями проводили выходные и отпуска на дачах. Однако акцент в абсолютном большинстве случаев делался прежде всего, будем объективны, на выращивании урожая. Дачные игры, приятное и лёгкое времяпрепровождение за дачным столом, театральные представления - всё это безвозвратно осталось в прошлом. И только, может быть, в весеннюю пору верховой дымок сирени и пьянящий аромат черёмух -

извечных спутников дачного бытия - напоминал о былом. Нет, писатели или, например, художники, учёные могли проводить время на даче за интеллектуальной беседой, но большая часть дачников ждала заветную электричку в город, чтобы возвратиться домой с тяжеленными вёдрами картошки или помидоров. И если в начале XX века поэт Саша Чёрный писал о «дачной скрипучей веранде», на которой «весь вечер царит оживленье», потому что к «глазастой художнице Ванде» пожаловали в воскресенье «провизор, курсистка, певица», да ещё «писатель, дантист и девица», то в шестидесятые, полвека спустя, актуальнее стала тема удобрений или рецепта закрутки томатов. Специфика освоения дач в 1960-е годы прекрасно запечатлена в фильме «Москва слезам не верит». «Ой, ну и умаялась! Вас пора раскулачивать за использование рабсилы!» - говорит героиня Ирины Муравьёвой, притаскивая с улицы в дачный домик ведро, полное помидоров. А Тося ей отвечает: «Я посмотрю, как ты эти банки зимой открывать будешь. И что ты скажешь тогда».

В советских реалиях феномен дачи повлиял на культуру быта, изменил формы досуга горожан. И больше того - смягчил острые социальные вопросы. Например, пресловутый «жилищный вопрос» уже не так довлеет над человеком, если у того появляется возможность провести несколько месяцев «на пленэре». Люди потянулись к земле. Вполне может быть, что так - на ментальном уровне - проявилось аграрное прошлое огромной страны. Дача - в известном смысле возвращение. Человеку необходимо заземлиться, осесть, обстроиться, пустить корни. Постепенно в стране снижается интерес к быстроногому туризму, к «походам с рюкзаком за плечами», к всполохам беспечных костров, к романтике дальних странствий, зато зарождаются новые хобби: садоводство, огородничество, строительство. В условиях дефицита строительных материалов последнее давалось с величайшим трудом, и широкое распространение получила шуточная песенка:

*Я знаю - дача будет,
Я знаю - саду цвести,
Когда способны люди
Не спать, не пить, не есть.
Таскать кирпич под мышкой,
Закончить жизнь в долгах,
Чтоб сбить гнездо детишкам
У чёрта на рогах.*

Благодаря даче гражданин Страны Советов впервые получил возможность безбоязненно хранить запасы, заготовки, консервируя плоды трудов своих. Урожай солился, сушился, варился, закручивался в банки. А делать запасы - значит надеяться на будущее, думать о завтрашнем дне, планировать его, мечтать о нём. Стали выходить многочисленные книги рецептов, рекомендаций, советов.

В советский период, что примечательно, дача становится фоновой темой детской литературы. Вот, например, замечательный рассказ Н. Н. Носова «Мишкина каша» полностью посвящён дачной жизни. Герой рассказа живёт с мамой на даче, к ним приезжает его друг Мишка, ребята остаются на два дня без взрослых, потому что

мама задерживается в городе, и решают поджарить на ужин пойманных в речке пескарей и сварить кашу. Благоденствие тихого дачного посёлка, где можно совершенно безбоязненно оставить детей на пару дней, где они будут купаться до одури, ловить рыбу, привольно загорать на песке, а заодно и полоть грядки, соединяя отдых и созидательный труд, описано выпукло, с большим теплом и знанием материала. А ведь у самого Николая Николаевича Носова, «отца Незнайки», своей дачи не было, и он снимал домишки то в Кунцево, то в Востряково, стремясь спокойно поработать в тиши.

Анна Масс, дочь известного драматурга Владимира Массы, которого мы знаем как соавтора сценария первой советской кинокомедии «Весёлые ребята», подарила нам прекрасную книгу «Писательские дачи» - о посёлке советских писателей Красная Пахра. Анна Владимировна застала постройку Красной Пахры и проживает там по сей день.

«В посёлке, - вспоминает Анна Масс, - <...> стучали топоры, шоркали рубанки, звенели пилы: строились летние домики-временки под односкатными крышами, ставились деревенские нужники-скворечники, чтобы писательские семьи летом могли жить с относительными удобствами, в ожидании пока строятся их зимние дачи. Водопровода ещё не было, вместо него - железная бочка, лошадь, телега и водовоз дядя Петя. <... > Мой отец в то первое дачное лето увлёкся рисованием. <... > Временка превратилась в мастерскую: всюду альбомы, кисти, краски, эскизы, натюрморты, портреты, пейзажи. Маме нравилось, что к нам заходят соседи - специально посмотреть на папино художество, просят подарить картину <...>.

Телефонов в посёлке ещё не было, машины были далеко не у всех, поэтому заходили попросту, спрашивали у машино-владельца, не едет ли он в Москву, и если едет, не найдётся ли в машине лишнего места. <...> Хорошим тоном считалось, если сам машиновладелец заходил к соседу и сообщал, что едет и что есть одно или два свободных места. <...>

Ну, и мы, дети, тоже потихоньку познакомились...».

Размышляя над тем, чем закончить эту статью, я снял с полки томик Беллы Ахмадулиной. У неё есть стихотворение « Опустевшая дача». Как же точно поэтесса передала психологическую двойственность мироощущения, историю уединённого мира, «отзеркаленную» прудами и тихой речкой:

*Увы, ущелие пустое!
Давно ли в сетке гамака
желтело платянце простое,
как птица в глубине силка?*

*Давно ли женщина глядела
глазами чуть наискосок?
Кто улетел? Что улетело
и след впечатало в песок?*

*Давно ль смородиной зелёной
играли пальчики любви
и на веранде застеклённой
шёл спор меж милыми людьми?*

*Но кто ж возник здесь?
Что возникло?
Кто плакал и не вытер слёз?
Какой бесчинствовал возница?
Куда увёз? Зачем увёз?*

*Под сенью бедного ореха
чего я жду? Кого я жду?
Какого голоса и смеха?
Какого шёпота в саду?..*

...Коль скоро нации нужна духовная скрепа, необходимо мощное объединяющее начало, то пусть бы это была дача, практическое и

духовное значение которой для нас, россиян, невозможно переоценить. Ведь и «шесть соток» способны вместить в себя целые мироздания, расширить границы во времени и пространстве. Или просто сделать человека счастливее... Вот только как быть с глухими, непроницаемыми заборами, мощь и высота которых, как правило, прямо пропорциональны периметрам современных участков? Ума не приложу.

Использованный источник:

Пырков, И. Дачное время / И. Пырков // Наука и жизнь. - 2021. - №1. - С. 102-111. - Размышления у книжной полки.

НАУКА И ЖИЗНЬ

ISSN 0013-788X

И ● Суперкомпьютеры:
«Правильнее гово-
2021 рить не об отставании
России, а о задержке развития»
● Сделав вид, что настывает ца-
ррей, Макиавелли преподдал боль-
шой урок народам ● Заматывать
зимой лицо шарфом для защиты
от коронавируса бессмысленно!
● Русская дача — почитаем, по-
ментаем, подумаем...

**МБУК «Межпоселенческая библиотека»
муниципального образования
Темрюкский район
г. Темрюк, ул. Ленина, 88,
тел. 8(86148)5-23-93;
e-mail: knigatem@rambler.ru**